РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.060
УДК 94(37) + 341.218.1 + 316.323.62 +
+ 316.462

М. В. Шистеров
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

ВОСЕМЬ ЛИКОВ РИМСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Рец. на кн.: *Revell L.* Roman Imperialism and Local Identities. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. — xvi + 221 p.

В рецензии на примере монографии специалиста по римской археологии из Университета Саутгемптона Луиз Ревелл анализируются особенности трактовки в современной зарубежной историографии римского империализма, проблемы этнокультурной и политической идентичности в Римской империи I–II вв. н. э. Рассматривается методология рецензируемого исследования, а также эвристический потенциал концепта «римскости» (Roman-ness), замещающего в работе Л. Ревелл традиционный концепт «романизации». В рецензии разбираются источники (археологические и эпиграфические материалы из восьми римских провинциальных городов Испании и Британии), базовые положения рассматриваемого исследования (идеология и практическое воплощение урбанизма в римском мире, образ и культ римского императора в городах империи, провинциальная практика отправления римских религиозных культов), а также аргументация, приводимая в защиту основных тезисов работы. Показано, каким образом автор монографии реконструирует социальный облик и отношения в римском провинциальном обществе, взаимодействие провинциальных и имперских элит.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Древний Рим; Римская империя; римский империализм; римский император; римская религия; урбанизм; римскость; романизация; локальная идентичность.

В современной зарубежной романистике наблюдается устойчивый интерес к проблемам культурной идентичности и политического воображения в Римской

© Шистеров М. В., 2016

империи, на ее протяженных границах и весьма разнородной периферии. Только в англоязычном антиковедении за последние десятилетия вышла целая серия работ, в том числе монографических, в которых на различном материале и с использованием разнообразных методик — от классических приемов «проработки текста» и методов «римской археологии» до современных постмодернистских и пост-постмодернистских техник — анализируется разнообразие культурных практик и способов бытования человека в «римском мире» (как «взрослых богатых мужчин», так и других категорий населения, включая женщин и детей) [см., напр.: Adams; Gowing; Hingley, 2000; 2005; Longfellow; Mattingly; Roman Imperialism..., 2003; Roman Imperialism..., 1996; Whittaker, 1997; 2004; Woolf; и др.]. При этом источниками изучения для исследователей-романистов все чаще становятся не только письменные свидетельства, дошедшие до нашего времени в виде классической антично-римской традиции, но также разноформатные археологические и эпиграфические материалы, в том числе памятники скульптуры и архитектуры.

Показательное в указанном смысле исследование представляет собою опубликованная в Кембридже в 2009 г. монография о римском империализме (основана на докторской диссертации) специалиста по римской архитектуре и эпиграфике из Университета Саутгемптона (Англия) Луиз Ревелл [Revell]. Центральной проблемой своего исследования автор заявляет вопрос о «римскости» (*Roman-ness*); о том, что значило «быть римлянином» в пространстве, времени и культурном контексте Римской империи (p. ix, 191–193). Проблематизируя понятие «римский» (*Roman*), Ревелл указывает на некорректное использование термина в новейшей историографии, где под «римским» может пониматься и тип материальной культуры, и хронологический период, и географическая локация, и этническая принадлежность. Непригодными для современного исследования Ревелл полагает также классические концепты *Romanitas* и «романизация» (*Romanization*), сложившиеся в XIX столетии в эпоху господства в европейской общественно-политической мысли модели государства-нации и «цивилизаторского этоса» (p. 5–6) [см. также: Hingley, 2000, p. 91–92; ср.: Roman Imperialism..., 2003, p. 1–7]. Вместо меганарратива романизации, внутри которого по большей части до сих пор «вращается римская археология», автор предлагает другой подход, базовым понятием которого является «римскость» (*Roman-ness*). Деконструируя термины «римский» / «римлянин», Ревелл предлагает понимать их как «дискурс возможностей», «несметное число потенциальных интерпретаций» в рамках «материальной культуры человека, который жил в пределах Римской империи» (p. ix–xi, 1–9 ff.).

Структурно монография Ревелл делится на три неравные части. В первой (вводной) части представлена общая методологическая основа исследования и своего рода «введение в проблему». Во второй (основной) части рассматриваются «структуры римского общества», которые, по мнению автора, составляют суть римского империализма: урбанизированный образ жизни, культ императора и римская религия (как религиозная практика). В третьей (заключительной) части делается попытка реконструировать формы личных идентичностей,

которые существовали (могли существовать?) в контексте «общей этнической идентичности римлян» (p. xii, 150 ff.).

Первая глава формирует «контекст дискуссии»: отказываясь от традиционной парадигмы романизации, Ревелл апеллирует к активно разрабатываемой рядом авторов в 1990–2000-е гг. парадигме регионализации (*regionality*)[1], в рамках которой изменчивость региональных вариантов «римской культуры» находит описание через акцентирование влияния «культуры коренных народов» [см.: Millett; Alcock; Roman Imperialism..., 2003; Woolf; etc.]. Фундаментальной частью римской этнической идентичности исследователь полагает парадокс «сходства и различия»: сочетание «глобальной материальной культуры», маркирующей культурно-символическое и социально-политическое пространство Римской империи, и «региональной материальной культуры», всегда специфически окрашенной (p. 2–3, 191–193). Базовый концепт «римский» / «римлянин» выступает здесь скорее как дискурс (на основе идеи общего бытия римлян), нежели как феномен конкретной реальности. Органичное и неравномерное сочетание «глобальных» и «локальных» элементов позволяет автору говорить о неоднородности «римской идентичности», формируемой через включенность индивида в социальные практики, принятые внутри гражданской общины. «Римская идентичность» в такой интерпретации — это «текучий концепт» (*fluid concept*), имеющий множественную, ситуативную, изменчивую природу. Таким образом, материальная культура «обслуживает» коллективную идентичность, конституируя ту или иную ее конденсированную форму через каждодневные практики («повторные процедуры» в терминологии Ревелл). Следует отметить, что автор монографии исходит из теоретической посылки, согласно которой идентичность (с учетом разнообразия ее конкретных форм[2]) — это сложный дискурс, создаваемый множеством элементов (таких как пол, возраст, социальный статус, род занятий и т. п.), который корректнее трактовать скорее как пространство возможностей, нежели «набор данностей» (p. 7–8). Кроме того, Ревелл (со ссылкой на Э. Гарднера) полагает возможным говорить о разных уровнях конституирования такого дискурса: «глобальный» (этническая идентичность), «средний» (возрастная или половая идентичность) и «микроуровень» (индивидуальные особенности личности) [подробнее см.: Gardner]. Результатом такого подхода становится опорный тезис автора: римский империализм (в своих неодинаковых формах) воплощался в конкретных социальных и материальных структурах, доступных для исследования.

Для того чтобы объяснить механику римского империализма, Ревелл обращается к популярной (в том числе и в российской гуманитаристике) теории

---

[1] Правильнее, вероятно, говорить о различных вариантах теории «регионализации» — теории креолизации, постколониальной теории, модели ассимиляции и сопротивления, — в комплексе формирующих современный «построманизационный интеллектуальный климат».

[2] Конкретное исследование, как показывает исследовательская практика последних десятилетий, может строиться вокруг личной или коллективной идентичности, этнической или культурной идентичности, воинской идентичности, идентичности сельских или городских жителей, и т. д.

структурации Э. Гидденса, которая основана, как известно, на принципе взаимодействия и взаимообусловленности социальной структуры и индивида, выступающих как условие и продукт друг друга [см.: Giddens; рус. пер.: Гидденс]. Таким образом, автор монографии подводит теоретическое основание под то, каким образом «социальные структуры римского империализма связывали вместе различные народы империи»: население империи не «жертвы романизации», но «римляне», поскольку действуют соответствующим образом, воспроизводя римские социальные структуры, римский тип личности и, в конечном итоге, римскую власть. Кроме того, применение теории Гидденса позволяет Ревелл выстроить логику исследования: изучая римскую архитектуру, становится возможным восстановить социальную практику, а через практику — реконструировать тип личности и идеологию римлян; «представления о том, каким образом должен быть [правильно] организован мир» (p. 13). Идеология, понятая не только как механизм контроля одной части общества над другой (в том числе центра над периферией), но также как способ структурирования социально-политического пространства Римской империи, вмонтированная в социальную практику и оформленная в дискурс, который самовоспроизводит определенные социальные условия и переживания через регулярные поведенческие действия и ритуалы — вот теоретико-методологическая позиция, которая лежит в основе рассматриваемого исследования [см.: Shanks, Tilley, p. 132 ff; Miller, Tilley, p. 14 ff].

Римская провинциальная архитектура и эпиграфика — основные источники исследования Ревелл. Поясняя свой метод работы с археологическими материалами, автор обращается к постмодернистским подходам: римская архитектура рассматривается в монографии не с эстетической точки зрения, как принято в искусствоведении, но с точки зрения формирования социального пространства, как воплощение «живого опыта» людей [Parker Pearson, Richards, p. 40]. Пространство римского города, вне зависимости от его географического положения, понимается как сформированное через общепринятый ритуал (политический или религиозный) [см., напр.: Brown]. Таким образом, Ревелл изучает не римскую архитектуру в строгом понимании термина, а «римское городское пространство» и «римские здания (сооружения)»: «Для того чтобы понять его пространственную логику, здание должно рассматриваться во всей полноте, объединяя архитектуру с другими формами художественного оформления и отделки, и интерпретироваться как единое целое» (p. 21)[3].

Подобным же образом автор монографии увязывает эпиграфические надписи с «конкретным контекстом»: «они [надписи] создаются для удовлетворения конкретных потребностей и отражают общественные отношения, структуры власти и идеологию общества» (p. 22). Широкое распространение латинских надписей на камне (например, в римской Британии) свидетельствует не только о распространении грамотности в провинциях империи, но также о связи

[3] Указанный исследовательский метод обозначил известный антиковед Э. Уоллас-Хейдрилл [Wallace-Hadrill, p. 7], на которого ссылается автор монографии.

«эпиграфической привычки» (*epigraphic habit*) с римским империализмом. Следует отметить, что в своей интерпретации эпиграфической традиции римлян как механизма сохранения и воспроизведения социальных структур в «акте чтения» Л. Ревелл, помимо прочего, выходит на проблему «вспоминания» в социально-культурном контексте, т. е. сталкивается с феноменом «культурной памяти» (в трактовке немецкого египтолога Я. Ассмана) [Assmann; рус. пер.: Ассман]. К сожалению, автор монографии не концептуализирует данную проблему, ограничиваясь конкретными наблюдениями: указанием на значимость пространственного расположения надписей, склонность римлян апеллировать к «аудитории» или получить признание и социальный престиж (p. 179–184).

Конкретной источниковой базой, на основе которой обосновываются выводы исследования, служат материалы археологических раскопок восьми римских поселений в Испании и Британии: *Colonia Aelia Augusta Italica* (Италика) в римской провинции Бетика; *Municipium Flavium Muniguense* (Мунигуа), располагавшийся в 40 км от Италики; *Colonia Clunia Sulpicia* (Клуния) в Тарраконской Испании; *Municipium Augusta Bilbilis* (Бильбилис), находившийся там же; *Londinium* (Лондиний), вероятная столица римской провинции Британия; *Venta Silurum* (Вента Силуров, совр. Каэрвент), маленький городок в той же провинции; *Viroconium Cornoviorum* (Вироконий, ныне — Роксетер), римское военное поселение и столица племени корновиев; наконец, *Aquae Sulis* (Аквы Сулийские, совр. Бат), маленький британский городок, «монументализация» которого относится к эпохе Флавиев и Антонинов.

Вторая глава монографии посвящена проблеме римского урбанизма. Градостроительная политика римлян (например, в Британии), разумеется, может рассматриваться как проявление римского империализма (на сей счет имеется обширная литература — от классических работ М. Финли и Э. Салмона до новейших исследований П. Цанкера, Р. Лоренса, Дж. Крайтона и др. [Finley; Salmon; Zanker; Laurence; Creighton; etc]. Ревелл интересуют преимущественно два аспекта этого явления: во-первых, градостроительство как идеология «правильного» («римского») образа жизни, воспринятая местным населением (прежде всего, провинциальными элитами); во-вторых, проблема городского опыта жизни, взаимодействия человека и города (p. 43). Автор критикует взгляд на римский урбанизм как на «бледную имитацию» греческого опыта: город в качестве особого способа общежития, религиозно-сакрального пространства, символа культуры и цивилизации прослеживается и в римских текстах (в отрефлексированном виде — от Цицерона до Тацита, и далее), и в конкретной религиозной практике римлян. Город для римлян (образцом служил сам Рим [см., напр.: Edwards]) обладал «метафизической идентичностью», создавал новые социально-политические отношения (например, через практику публичных религиозных празднеств и зрелищ), формировал сложное коллективное единство — «городское сообщество», которое становилось частью самоидентификации жителей. Римская власть конституировалась через «принятие» местным провинциальным населением городского образа жизни

(при этом количество и качество общественных сооружений, формирующих «костяк» римского города, не так важны, как практика их повседневного использования) (p. 55–57) [ср.: Wiedemann, p. 18–23]. На примере четырех различающихся многими характеристиками городских общин (Италики, Клунии, Лондиния и Венты Силуров) автор иллюстрирует общие и особенные черты римского урбанизма.

К примеру, для Италики, получившей статус колонии при императоре Адриане, который оказывал городу покровительство, отмечаются такие черты, как значительное количество и высокое качество монументальных построек (театр, амфитеатр, храмы и термы в «старом» и «новом» городе, и пр.), сравнительное обилие эпиграфических надписей представителей местной городской элиты (например, понтифика и трижды дуумвира Л. Герия, севира и организатора общественных зрелищ Л. Целия Сатурнина, отреставрировавших городской театр за свои средства Л. Блаттия Траяна Полиона и Гая Траяна Полиона, и др.). В Клунии, получившей статус муниципия при императоре Тиберии (и несколько позже — статус колонии), хорошо прослеживается единый политико-религиозный комплекс городского форума. В Британии, где городов было меньше, и они были скромнее (дефицит «политической архитектуры»), Лондиний был крупнейшим из всех, хотя его правовой статус как столицы провинции по-прежнему вызывает сомнения [см., напр.: Birley]. Ревелл полагает, что археологические и эпиграфические свидетельства указывают на Лондиний как на политико-административный центр Британии, но не настаивает на том, что город служил постоянной резиденцией наместника (p. 69). Вента Силуров (Каэрвент), оформившийся во II в. н. э., — самый маленький из известных римских городов в Британии, имеет некоторые характерные черты, сближающие его с Лондинием и отличающие от Италики или Клунии (например, отсутствие на форуме храмов, публичных надписей и статуй, несущих политическую символику).

Таким образом, анализируя конкретный источниковый материал из четырех провинциальных городов империи, автор пытается подкрепить заявленный тезис: римское градостроительство — это больше, чем искусство сооружения зданий, но «идеология того, как жить, предпочитая одну форму общежития любой другой». Иными словами, для многих жителей империи «город был физическим объектом, метафизической персонификацией и необходимым условием для правильного образа жизни», включая политическое участие и ответственность, общественные события религиозного и развлекательного толка, представления об уровне благосостояния общества и пр. (p. 76–79). Несмотря на некоторую декларативность и дефицит аргументации, трудно не согласиться с автором монографии в том, что в урбанистическом дискурсе римлян можно усматривать одну из структур, воспроизводивших имперскую власть: общая приверженность идее города (не исключавшая локальных вариаций в архитектурно-пространственном и социально-политическом обустройстве конкретных городских общин) формировала общую идентичность и общий опыт римской власти.

«Фигуре императора» как носителя высшей политической власти в римском мире посвящена третья глава монографии. «Император стоял в центре сложной комбинации властных отношений внутри империи, но любая попытка классифицировать их по одной главной линии — социальной, политической, идеологической или религиозной — рискует затенить эту сложность», — поясняет свой метод Л. Ревелл (p. 81). Проблема восприятия императорской власти жителями провинций интересует автора в контексте повседневности. Например, посредством многократного копирования сравнительно однородных и немногочисленных по типу императорских статуй — император как гражданский магистрат («судья») и жрец, император как победоносный полководец, император как «обожествленный герой» — осуществлялась визуализация образа императора; портрет принцепса (и членов его семьи) делался узнаваемым образом. При этом автор вновь обращается к новейшим методологическим подходам, подчеркивая «роль зрителя как участника процесса»: образ, который транслирует статуя императора, должен адекватно восприниматься зрителем, только в этом случае «передача сообщения» может считаться эффективной. Представленные на форумах, в театрах и других общественных местах римских городов[4] статуи правящего императора, членов его семьи и их предшественников становились объектами публичного просмотра: «сам акт просмотра и признания этих изображений как образов правящего и прошлого императоров служил проявлением императорской власти в повседневной жизни жителей империи, подтверждал общеимперский характер политической власти» (p. 86). Менее подробно анализируются надписи, которыми часто сопровождались статуи императоров, или «посвящения», обращенные к принцепсу. Кроме того, практически без внимания автора остаются монеты — великолепный памятник императорской иконографии (p. 87–89).

Императорский культ, отправлявшийся в провинциях, автор монографии рассматривает в контексте «динамического взаимодействия» римской и местных культур. Ревелл признает трудности, связанные с атрибуцией сохранившихся археологических материалов, не всегда позволяющих надежно определить, относилось ли то или иное сооружение к императорскому культу или нет (наиболее надежно идентифицированы храм, посвященный Траяну в Италике, и храм Клавдия в Колчестере). Более убедительны выводы автора, сделанные на основе анализа эпиграфических данных (указания на отправлявшиеся культы и жреческий персонал). Тем не менее, базовый тезис Ревелл о том, что императорский культ не был «наложением» чуждой местному населению культурной практики, но, напротив, активно принимался подданными императора, как минимум нуждается в дополнительной аргументации (кроме того, материал, который автор приводит в защиту данного тезиса, почти полностью заимствован из городов Испании) (p. 99).

[4] Из восьми рассматриваемых Л. Ревелл городов наибольшее количество императорских статуй (не всегда надежно атрибутируемых) найдено в Италике, пользовавшейся покровительством императоров-испанцев из династии Антонинов.

Четвертая глава монографии посвящена провинциальному опыту римской религии. Отметим, что Л. Ревелл не склонна — в духе академической моды на «кельтский миф» — противопоставлять «римскую» и «кельтскую» религии. По нашему мнению, автор справедливо считает оправданным подход, основанный на идее религиозного синкретизма, когда сохранявшиеся в эпоху Империи «местные» («доримские») культы не отрываются от религиозных практик, привнесенных римлянами. Как и применительно к ранее рассматриваемым феноменам, исследователь предлагает «дискурсивный» анализ: важно не столько, какому божеству («римскому» или «местному») поклонялись жители провинциальных городов, сколько каким образом они это делали («по-римски» или в соответствии с местными обрядами) (p. 115–116). Только так можно ответить на вопрос о том, как римская религия участвовала в воспроизведении римской власти и римских социальных структур в провинциях империи. Попытка найти ответ на этот вопрос заставляет Л. Ревелл обратиться к конкретному материалу из римских поселений Испании и Британии (храмы Траянеума в Италике с характерными посвящениями *plante pedum* — мраморными мемориальными плитами с отпечатками ступней ног, часто обращенные к Немезиде; несколько не всегда надежно идентифицированных храмов Мунигуа (Меркурия, Августа Геркулеса (?) и др.), где среди надписей-посвящений почти отсутствуют обеты; храмово-театральный комплекс в Бильбилисе, на территории которого вовсе не зафиксировано никаких эпиграфических памятников; храм синкретичного кельтско-римского божества («Сулийской Минервы» или Суль-Минервы) в современном Бате, где обнаружены немногочисленные обеты-посвящения, около 130 «таблеток проклятия» и более 12 тысяч римских монет).

Выводы автора, сделанные на основе анализа этих археологических и эпиграфических материалов, по существу, сводятся к утверждению, что «форма religio, которая может пониматься как “римская”... оставляет возможность для разнообразия и индивидуализации», «дихотомии между местной изменчивостью и парадигмой “римского”» (p. 146). Отмечая местную специфику — во всех городах акцентируется специфика материальных свидетельств, что трактуется автором как отличия в ритуале поклонения, — Л. Ревелл в то же время настаивает на наличии некоей общей «римской» основы для всех исследованных объектов (например, «принятие и присвоение чужих богов было частью имперского дискурса» (p. 148)).

В последней, пятой главе работы рассматриваются аспекты персональной и групповой идентичности, связанные с проблемой социально-политического статуса. Автор исходит из тезиса, что в римских провинциях социальный статус выражался через богатство и политические привилегии (а не через воинскую доблесть, к примеру), которые было возможно реализовать только в «политическом пространстве города», где различные социальные группы и индивиды имели «разный уровень доступа к общественным сооружениям и играли разные роли в социальных ритуалах, которые там проводились» (p. 151).

Центральную роль в создаваемой через такие привилегии властной иерархии Л. Ревелл отводит «дискурсу тела» — культурному конструированию телесности,

воплощавшему «предрассудки и нормы», принятые в обществе (в данном вопросе Л. Ревелл опирается на: [Giddens]). Нормативным для римской культуры был опыт свободного «сильного, взрослого, богатого мужчины», который рассматривается автором монографии в двух аспектах: как «оппозиционный» по отношению к другим, менее привилегированным группам (бедным мужчинам, женщинам, детям, рабам) и как дискурс, формирующий условия для поддержания иных идентичностей: «...даже если мы не можем надежно определить место женщин, детей и бедных людей Римской империи, мы должны, по крайней мере, понять... способы, благодаря которым эти группы стали “невидимы” в римском обществе» (p. 154).

Для этого Ревелл вновь обращается к «городскому пространству»: изучая архитектурное оформление и планировку различных общественных сооружений (базилик, храмов, театров и амфитеатров, терм) автор реконструирует — в ряде случаев достаточно убедительно — социальные отношения в римском провинциальном обществе. Так, архитектурные особенности оформления базилики, где располагалась курия (например, на форуме в Каэрвенте), указывает на то, что «политическая элита физически отделяла себя от остальной части общества»[5], визуализируя и театрализуя свою публичную деятельность, и таким образом «демонстрируя политическую власть» (p. 156, 159–161). В отличие от политической деятельности, религиозные практики были доступны для более широкого круга лиц (например, богатых женщин и вольноотпущенников) (p. 166–167). На примере Италики и Бильбилиса демонстрируется пространственная дифференциация и сегрегация в римских театрах, куда имели доступ большое количество лиц разного социального положения (p. 169–170). Посещение общественных бань также, по мнению Ревелл, было важной составляющей процесса конструирования и поддержания социального и политического влияния (в противовес распространенному мнению об эгалитарной природе данного феномена [см., напр.: Yegül]): «купание было важным событием, во время которого различные социальные группы собирались вместе для взаимодействия» (если они не посещали бани в разное время). Играя важную роль в «создании и поддержании социально-политических сетей», римские термы использовались для демонстрации своего социального статуса, групповой идентичности и неравенства, выступая «технологией, посредством которой мужская элита могла продемонстрировать свое превосходство» (p. 174–175, 178).

Общие выводы исследования сводятся, в сущности, к тезису о «разнообразии опытов» населения (и городских общин) Римской империи, тем не менее, имелось некое общее понимание того, «что значит быть римлянином»: жить в городе, участвовать в общественной жизни (в той степени, в которой это определялось социальным статусом индивида), признавать власть императора

[5] При общей схожести архитектурного облика базилики в различных городах империи («базилика была построена по римской модели») отмечается ряд интересных нюансов: например, в Каэрвенте и Роксетере (в отличие от Лондиния и Клунии) существовал дополнительный «служебный вход» через боковую дверь в неф (p. 158).

и отправлять соответствующие культы. В результате, римский империализм для Л. Ревелл становится «союзом интересов завоеванных и завоевателей», где один из важнейших аспектов — «процесс культурных изменений, приводящий к формированию общей этнической идентичности» (p. 191–192).

Рассматриваемому исследованию сложно отказать в актуальности. «Атмосфера дробности и индивидуализации», о которой не так давно с пафосом и тревогой писал отечественный антиковед-романист Г. С. Кнабе [Кнабе], чувствуется в сочинении саутгемптонского археолога на каждой странице. Уже в силу этого «ощущения» новоевропейской дисперсии интересно отметить в рецензируемой работе не столько оригинальность выводов (степень которой не приходится преувеличивать) и даже не их обоснованность, доказательную базу (200-страничную монографию сложно назвать фундированной), сколько общую культурно-исследовательско-методологическую парадигму, в рамках которой работает Л. Ревелл и которая отличается заметной конъюнктурной «рамочностью» (если не сказать — «запрограммированностью») результатов исследования. (Притом, что многие исследовательские приемы Л. Ревелл представляются научно адекватными и эвристически значимыми, а результаты, полученные с их помощью, как минимум, заслуживающими внимания.)

Маститый британский археолог Дэвид Маттингли в работе, вышедшей по случайному совпадению в том же году, что и небольшое исследование Г. С. Кнабе, замечательно проиллюстрировал явление, свидетельством которого является монография Л. Ревелл, количественно и качественно проанализировав использование в научной литературе о Древнем Риме (за период с 1995 по 2007 г.) терминов «романизация» (ныне все более стигматизируемого) и «идентичность» (все более популярного) [Mattingly, p. 208 ff.]. Стремление пересмотреть римский опыт управления Европой в инструментально-технологическом ключе (отрицающем, прежде всего, насильственную этнокультурную унификацию) представляется весьма характерным симптомом не только критически понятой современной социально-политической ситуации, но, вероятно, всей западноевропейской интеллектуальной атмосферы 2000-х гг. В этом смысле рецензируемая монография может служить замечательным образчиком современного постпостмодернистского исторического исследования, а к восьми частным случаям «римского империализма» можно без особого труда добавить еще некоторое количество... по вкусу.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / пер. с англ. М. : Академический проект, 2003.

Кнабе Г. С. Европа с римским наследием и без него. СПб. : Нестор-История, 2011.

Adams J. N. Bilingualism and the Latin Language. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.

Alcock S. E. Graecia capta : the landscapes of Roman Greece. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993.

Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München : C. H. Beck, 1992.

Birley A. R. The Roman government of Britain. Oxford : Oxford Univ. Press, 2005.

Brown F. Roman architecture. London : Prentice-Hall International, 1961.

Creighton J. Britannia: the creation of a Roman province. London : Routledge, 2006.

Edwards C. Writing Rome. Textual approaches to the city. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996.

Finley M. The ancient economy. London : Chatto and Windus, 1973.

Gardner A. Social identity and the duality of structure in late Roman-period Britain // Journal of Social Archaeology. 2002. 2. 3. P. 323–351.

Giddens A. The constitution of society. Outline of the theory of structuration. Cambridge : Polity, 1984.

Gowing A. Empire and memory : the representation of the Roman republic in imperial culture. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005.

Hingley R. Roman officers and English gentlemen : the imperial origins of Roman archaeology. London : Routledge, 2000.

Hingley R. Globalising Roman Culture : Unity, Diversity and Empire. London : Routledge, 2005.

Laurence R. Roman Pompeii: space and society. London : Routledge, 2007.

Longfellow B. Roman Imperialism and Civic Patronage : Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2011.

Mattingly D. J. Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire. Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2011.

Miller D., Tilley C. Ideology, power and prehistory: an introduction // Ideology, power and prehistory / eds. D. Miller, C. Tilley. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1984. P. 1–15.

Millett M. The Romanization of Britain : an essay in archaeological interpretation. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1990.

Parker Pearson M., Richards C. Ordering the world: perceptions of architecture, space and time // Architecture and order: approaches to social space / eds. M. Parker Pearson, C. Richards. London : Routledge, 1994. P. 1–37.

Revell L. Roman Imperialism and Local Identities. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009.

Roman Imperialism and Provincial Art / eds. S. Scott, J. Webster. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.

Roman Imperialism : Post-colonial perspectives / eds. J. Webster, N. Cooper. Leicester : School of Archaeological Studies — University of Leicester, 1996.

Shanks M., Tilley C. Ideology, symbolic power and ritual communication : A reinterpretation of Neolithic mortuary practices // Symbolic and structural archaeology / ed. I. Hodder. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982. P. 129–154.

Wallace-Hadrill A. Houses and society in Pompeii and Herculaneum. Princeton : Princeton Univ. Press, 1994.

Whittaker C. R. Frontiers of the Roman Empire : A Social and Economic Study. Baltimore ; London : The J. Hopkins Univ. Press, 1997 [1994].

Whittaker C. R. Rome and its Frontiers : The Dynamics of Empire. London : Routledge, 2004.

Wiedemann T. Emperors and gladiators. London : Routledge, 1992.

Woolf G. Becoming Roman : The Origins of provincial administration in Gaul. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998.

Yegül F. Baths and bathing in Classical Antiquity. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1992.

Zanker P. The city as symbol: Rome and the creation of an urban image // Romanization and the city: creation, transformations and failures / ed. E. Fentress. [Journal of Roman Archaeology Supplementary Series. 38. 2000]. P. 25–41.

Рецензия поступила в редакцию 05.06.2016 г.

Шистеров Максим Валерьевич
кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории
Уральский государственный
педагогический университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: mshisterov@rambler.ru

Shisterov, Maxim Valerievich
PhD (History), Associate Professor
Chair of General History
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavty Ave.,
620017 Yekaterinburg, Russia
E-mail: mshisterov@rambler.ru

THE EIGHT FACES OF ROMAN IMPERIALISM

Review of **Revell, L. (2009).** ***Roman Imperialism and Local Identities*****. Cambridge: Cambridge University Press**

Referring to the work by Louise Revell, a lecturer in Roman History at the University of Southampton, the author examines the peculiarities of interpretation of Roman imperialism, and issues of cultural and political identity in the 1st–2nd Century AD Roman Empire in modern foreign historiography. The author analyzes Revell's methods of research and the heuristic potential of the concept of "Roman-ness" that the scholar uses instead of the traditional concept of "Romanization". The reviewer examines the historical sources (archaeological and epigraphic materials from eight Roman towns of Spain and Britain), the basic propositions of the monograph (the ideology and the practical implementation of urbanism in the Roman world, an image and cult of the Roman emperor in the cities of the Empire, as well as the provincial practice of religious rites) and also the author's arguments. The review demonstrates how the author of the monograph reconstructs the social image and relations in the Roman provincial society, and the interaction between the provincial and imperial elites.

K e y w o r d s: Ancient Rome; Roman Empire; Roman imperialism; Roman emperor; Roman religion; urbanism; Roman-ness; Romanization; local identity.

Adams, J. N. (2003). *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Alcock, S. E. (1993). *Graecia capta: the landscapes of Roman Greece*. Cambridge: Cambridge University Press.

Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. München: C. H. Beck. (In German)

Assmann, J. (2004). *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Birley, A. R. (2005). *The Roman Government of Britain*. Oxford: Oxford University Press.

Brown, F. (1961). *Roman Architecture*. London: Prentice-Hall International.

Creighton, J. (2006). *Britannia: The Creation of a Roman Province*. London: Routledge.

Edwards, C. (1996). *Writing Rome. Textual Approaches to the City*. Cambridge: Cambridge University Press.

Finley, M. (1973). *The Ancient Economy*. London: Chatto and Windus.

Gardner, A. (2002). Social Identity and the Duality of Structure in Late Roman-period Britain. *Journal of Social Archaeology*, 2, 3, 323–351.

Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity.

Giddens, A. (2003). *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russian)

Gowing, A. (2005). *Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hingley, R. (2000). *Roman Officers and English Gentlemen: The Imperial Origins of Roman Archaeology*. London: Routledge.

Hingley, R. (2005). *Globalising Roman Culture: Unity, Diversity and Empire*. London: Routledge.

Knabe, G. S. (2011). *Evropa s rimskim naslediem i bez nego* [Europe with the Roman Heritage and without It]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian)

Laurence, R. (2007). *Roman Pompeii: Space and Society*. London: Routledge.

Longfellow, B. (2011). *Roman Imperialism and Civic Patronage: Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mattingly, D. J. (2011). *Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.

Miller, D., & Tilley, C. (1984). Ideology, Power and Prehistory: An Introduction. In D. Miller & C. Tilley (Eds.), *Ideology, Power and Prehistory* (pp. 1–15). Cambridge: Cambridge University Press.

Millett, M. (1990). *The Romanization of Britain: An Essay in Archaeological Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Parker Pearson, M., & Richards, C. (1994). Ordering the World: Perceptions of Architecture, Space and Time. In M. Parker Pearson & C. Richards (Eds.), *Architecture and Order: Approaches to Social Space* (pp. 1–37). London: Routledge.

Revell, L. (2009). *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge: Cambridge University Press.

Scott, S., & Webster, J. (Eds.). (2003). *Roman Imperialism and Provincial Art*. Cambridge: Cambridge University Press.

Shanks, M., & Tilley, C. (1982). Ideology, Symbolic Power and Ritual Communication: A Reinterpretation of Neolithic Mortuary Practices. In I. Hodder (Ed.), *Symbolic and Structural Archaeology* (pp. 129–154). Cambridge: Cambridge University Press.

Wallace-Hadrill, A. (1994). *Houses and Society in Pompeii and Herculaneum*. Princeton: Princeton University Press.

Webster, J. & Cooper, N. (Eds.). (1996). *Roman Imperialism: Post-colonial Perspectives*. Leicester: School of Archaeological Studies — University of Leicester.

Whittaker, C. R. (1997). *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore; London: The J. Hopkins University Press.

Whittaker, C. R. (2004). *Rome and its Frontiers: The Dynamics of Empire*. London: Routledge.

Wiedemann, T. (1992). *Emperors and Gladiators*. London: Routledge.

Woolf, G. (1998). *Becoming Roman: The Origins of Provincial Administration in Gaul*. Cambridge: Cambridge University Press.

Yegül, F. (1992). *Baths and Bathing in Classical Antiquity*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Zanker, P. (2000). The City as Symbol: Rome and the Creation of an Urban Image. In E. Fentress (Ed.), Romanization and the City: Creation, Transformations and Failures. *Journal of Roman Archaeology Supplementary Series,* 38, 25–41.

Received 5 June 2016